

**ТВОРЧЕСТВО Г. ГАРСИА МАРКЕСА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ОБЗОР КРИТИЧЕСКИХ
РАБОТ**
**THE CREATIVITY OF GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ IN MODERN
RUSSIAN LITERARY STUDIES: A REVIEW OF CRITICAL WORKS**

Аннотация: В статье представлен обзор современных русскоязычных критических работ, посвящённых творчеству Габриэля Гарсиа Маркеса. Отмечаются основные тенденции изучения произведений писателя: наибольшее внимание уделяется переводу романа «Сто лет одиночества» на русский язык, анализу вопросов, связанных с мифопоэтикой и фольклоризмом, многоуровневостью и философской глубиной произведения. Выявляются пробелы в исследовании наследия автора, определяются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Габриэль Гарсиа Маркес; критика; роман «Сто лет одиночества»; проблема перевода; мифопоэтика.

Abstract: The article is devoted to a view of contemporary critical works dedicated to Gabriel Garcia Marquez in Russian literary studies. The main focus of critics is the novel «Cien años de soledad»: translations into Russian, style, mythopoetics, folklore, philosophical problems etc. are under consideration. We come to the conclusion that there are some gaps in a critical study of Marquez It could be goals for further research.

Keywords: Gabriel Garcia Marquez; criticism; novel «Cien años de soledad»; translation; mythopoetics.

Габриэль Гарсиа Маркес (*Gabriel José de la Concordia García Márquez*, 1927–2014) был и остаётся одним из крупнейших писателей Латинской Америки, что неизменно обращает на себя внимание всех, кто интересуется культурой этого континента. Русскоязычная публика получила возможность познакомиться с трудами автора, впоследствии ставшего классиком мировой литературы, в начале 70-х годов XX в. Книги Г. Г. Маркеса попали на российский рынок в 1970 г., когда журнал «Иностранная литература» опубликовал роман «Сто лет одиночества» в переводе Н. Я. Бутыриной и В. С. Столбова. Отдельным тиражом книга вышла в 1971 г. Затем началось уже более широкое издание произведений Гарсиа Маркеса: кроме самой известной повести «Полковнику никто не пишет», переводились и публиковались и другие произведения – «Палая листва», «Недобрый час» и т. д. Следовательно, с получением широкой известности автора в России началось и его активное изучение.

Автором первой научной работы, посвящённой творчеству Габриэля Гарсиа Маркеса, был переводчик романа «Сто лет одиночества» В. С. Столбов. Позднее вопросами латиноамериканской литературы в целом и творчеством Гарсиа Маркеса в частности занимались В. Б. Земсков, В. Н. Кутейщикова и Л. С. Осповат, И. М. Петровский, В. Е. Багно. Все они являются авторами наиболее фундаментальных работ о творчестве латиноамериканского писателя, однако все они были написаны в прошлом веке. Целью нашего исследования является обзор современных критических источников, посвящённых творчеству «карибского Моцарта» [12], анализ основных тенденций в изучении наследия Гарсиа Маркеса.

Роман «Сто лет одиночества» занимает в творчестве художника слова особое место: именно с него начинала набирать обороты популярность Гарсиа Маркеса, именно это произведение стало переломным моментом в его творческой карьере, именно оно является самым выдающимся трудом писателя, которое вобрало в себя всю историю Латинской Америки в фольклорном переложении. Некоторые критики достаточно смело называют данный роман «латиноамериканской Библией». Неудивительно, что большая часть критических работ современных авторов, изучающих творчество писателя, сосредоточивает внимание именно на этом произведении. На все остальные литературные творения Гарсиа Маркеса, взятые в совокупности, приходится столько же научного материала, сколько и на «Сто лет одиночества».

В центре исследовательского внимания российских ученых находятся разные аспекты: проблема перевода произведений колумбийского писателя на русский язык, основные мотивы в творчестве Гарсиа Маркеса, журналистская карьера художника слова. Особый интерес критиков связан с рассказами «Третье смирение», «Семнадцать отравленных англичан», повестями «Полковнику никто не пишет», «Вспоминая моих несчастных шлюх», романами «Хроника объявленной смерти», «Осень патриарха», «Палая листва». Анализируя роман «Сто лет одиночества», русскоязычные критики акцентируют внимание на романе «Дом», который стал основой сюжета и хронотопа «латиноамериканской Библии». Также в фокусе исследователей находятся различные аспекты переводов произведения, мифопоэтика романа, система образов и отражение в данном тексте черт эстетики магического реализма.

Фольклорно-мифологический аспект творчества Габриэля Гарсиа Маркеса был подробно рассмотрен в работах Е. А. Хортовой и К. В. Казанковой. Оба автора делают акцент на романе «Сто лет одиночества», а К. В. Казанкова включает в свое исследование характеристику рассказов Маркеса 1940–60-х гг. Анализируя роман «Сто лет одиночества», Е. А. Хортова отмечает, что данное произведение связано с фольклорными традициями наличием рассказчика, который является всеведущим богом-демиургом, при этом он обладает «коллективной памятью», что позволяет ему строить повествование в традиционной манере, сочинять новую легенду. Также исследователь отмечает опору Маркеса на устную восточную традицию непрерывного повествования с использованием фольклорных элементов народов всего мира (например, фигуры Франсиско Человека как разносчика новостей по аналогии с песнями аргентинских гаучо)

[16, с. 59]. К народной традиции относится и формула гротеска: 17 сыновей полковника Аурелиано, неземная красота Ремедиос Прекрасной и т. д. Анализируя мотивы, встречающиеся в романе, Е. А. Хортова приходит к выводу, что большинство из них берёт начало в литературных источниках (Библия, рыцарский роман «Амадис Гальский», творчество Ф. Рабле, М. Сервантеса, У. Фолкнера, Х. Л. Борхеса, Х. Ортеги-и-Гассета, М. А. Астуриаса, А. Карпентьера, К. Фуэнтеса, Х. Кортасара) [16].

К. В. Казанкова рассматривает взгляды Габриэля Гарсиа Маркеса на фольклор и на народную культуру, а также анализирует фольклоризм рассказов, которые относят к раннему творчеству писателя: сборники «Глаза голубой собаки» и «Невероятная и печальная история о простодушной Эрендире и её жестокосердной бабушке». Исследовательница отмечает, что повествование Г. Гарсиа Маркеса строится с опорой на латиноамериканские и европейские культурные традиции, писатель использует национальные и общекультурные мотивы и образы. Фольклорное начало также воплощается на ментальном уровне в архетипах, народном мышлении и мифологических комплексах. Все события рассказов происходят в нескольких пространственно-временных плоскостях, перетекающих друг в друга, естественное гармонично соседствует со сверхъестественным, а смерть является лишь стадией перехода в «тонкий» мир, существующий наравне с реальным [7, с. 15]. Изучая роман «Сто лет одиночества» К. В. Казанкова сосредоточивает внимание на двух сюжетообразующих факторах: идее всепрощения и способности человека находиться в состояниях «жизнь в смерти» и «смерть в смерти». Первый фактор связан с фигурой Пруденсио Агиляра, который не желает входить в состояние «смерть в смерти», постоянно контактируя с Хосе Аркадио Буэндиа, когда тот сидит под каштаном. «Жизнь в смерти» проявляется во всей истории рода Буэндиа, который начался с нарушения заповеди «не убий», усугублённого грехом инцеста [7, с. 17]. Автор исследования указывает на особый стиль повествования Маркеса: о фактах, происходящих в мире, говорится с установкой на вымысел с одновременным её осмеянием [7, с. 18]. Заключает свою работу К. В. Казанкова выделением авторской мифологии Г. Гарсиа Маркеса, которая синтезирует в себе традиционное и индивидуальное: «...все образы, базируясь на универсальных значениях, напрямую связаны с латиноамериканским народным мифологизирующим сознанием, образом мира и личным опытом Г. Гарсиа Маркеса – писательским и человеческим» [7, с. 20].

Также перу К. В. Казанковой принадлежит изучение фитоморфного мира в поэтике Гарсиа Маркеса. Автор отмечает, что «...значение флоры состоит в возможности максимально приблизить человека к Верхнему Космосу» [6, с. 31], осуществить непосредственную связь с Богом. Кроме того, Казанкова исследует формы взаимосвязи фитоморфного мира и человека: взаимоотражение, взаимодействие, соприсутствие. Взаимодействие – соприкосновение человека с представителем флоры, взаимоотражение – воплощение человеческой сущности через растение, соприсутствие – нахождение человека и растения в одном пространстве с последующим их взаимодействием или без оногo [6].

Другой исследователь А. Г. Кондратьев рассматривает жанровую принадлежность романа Гарсиа Маркеса «Осень патриарха» и значение символов в нём. Учёный отмечает, что в основе произведения лежит притча о «тысячелетнем» патриархе, которая и обуславливает жанровую структуру текста, а также идейное содержание социально-общественного конфликта. По мнению автора, черты притчи реализованы, во-первых, в описании личности патриарха, сочетающей в себе сразу несколько временных плоскостей, характерных особенностей многих латиноамериканских каудильо; во-вторых, неопределённость биографии героя. Кроме этого, к притчевым чертам относятся гиперболизированность символики и иносказательность, основанные на реальных исторических событиях; природа выступает как действующее лицо и наделяется человеческими свойствами, в то время как патриарх, наоборот, описывается с использованием символического уподобления животному миру. [9] Таким образом, исследователь приходит к выводу: «Притча, заключая в себе главную нравственно-философскую мысль, синтезирует в себе два мотива: мотив насилия и мотив расплаты за содеянное зло» [9, с. 240]. Притча воплощает в себе нравственно-философские представления народа, но при этом содержит авторскую позицию и оценку исторических событий, описываемых в произведении.

Поэтику чуда и её изменение в истории творчества Гарсиа Маркеса изучает К. Н. Плужникова. Автор говорит о том, что на более позднем этапе творческого пути писатель трансформирует чудо из свойства, которое было присуще самой латиноамериканской земле, в свойство, характерное жителям, родившимся там и являющимся его носителями. Эти герои, попадая в Европу, всё также могут заглянуть за край реальности, недоступный местным, взаимодействовать с окружающим миром на стихийном уровне. Следовательно, чудо переносится из области пространства в область человека. Вместе с тем зрелое творчество Гарсиа Маркеса, начавшееся со сборника «Двенадцать рассказов-странников», местами абсолютно лишено того, что выходит за рамки привычного. Его заменяет усиление склонности писателя к аллюзиям, реминисценциям, усложнению интертекстуальной структуры и литературной игре, заметной в пяти из двенадцати рассказов представленного сборника [14]. В тесной связи с представленной проблемой исследуются также и отношения «свои» – «чужие» в позднем творчестве Гарсиа Маркеса. «Чужое» – это внешнее по отношению к Латинской Америке и её обитателям», а «своё» – это специфическое, нетривиальное мироощущение, это способность нести с собой своё собственное видение реальности и «...в любом месте чувствовать внутреннюю общность друг в друге» [13, с. 63]. «Своё» – это внутреннее чудо латиноамериканцев.

Проблема перевода романа «Сто лет одиночества» является едва ли не главной в современных критических работах, посвящённых творчеству колумбийского классика. Данному аспекту посвящены статьи К. В. Алексеева, В. А. Калацюк, К. Э. Тарасова, Ю. А. Топоркова, И. А. Диневич и А. В. Алексеенко. Только несколько авторов сосредоточили своё внимание на других произведениях Маркеса: так, Ю.П. Мурзин проанализировал перевод дебютного рассказа Габриэля Гарсиа Маркеса «Третье смирение», Т. И. Колабинова и Е. В. Усанина

с М. А. Хрусталёвой исследовали перевод повести «Полковнику никто не пишет».

Роман «Сто лет одиночества» в российской литературе существует в трёх вариантах перевода: первый, а затем и обновленный второй перевод был сделан В. С. Столбовым и Н. Я. Бутыриной, третий – Н. И. Былинкиной.

В своем исследовании относительно перевода произведения «Сто лет одиночества» Ю. П. Мурзин отмечает, что искажения и неточности в переводе возникают вследствие ошибочного понимания переводчиком отдельных мест текста оригинала, а не из-за различий между русскими и испанскими языковыми картинами мира. Также автор классифицирует ошибки на те, которые снижают качество перевода без смысловых искажений, и на те, которые ухудшают семантическую эквивалентность [11].

Наиболее полно историю переводов романа «Сто лет одиночества» изучила В. Н. Калацюк. В рамках сравнительного анализа она выявила, что перевод В. С. Столбова и Н. Я. Бутыриной обладает большей информационной наполненностью и максимально приближен к стилю самого писателя [8, с. 46]. Вариант перевода Н. И. Былинкиной отличает обилие неточностей и вольностей, которые допускает переводчик, что обусловлено стремлением привлечь как можно больше читателей за счёт антирекламы предыдущего перевода [8].

К проблеме межкультурных различий и национально-культурной специфики обращается К. В. Алексеева: её интересует способность русского читателя воспринять тот мир, который рисовал Гарсиа Маркес в романе. Анализируя произведение художника слова, К. В. Алексеева отмечает, что латиноамериканская культура в целом и колумбийская культура в частности находится на противоположном культурном полюсе от русских читателей, поэтому произведение «Сто лет одиночества» может вызвать крайне негативные чувства, если не учитывать культурный контекст латиноамериканского континента [1].

Многие современные критические работы, посвящённые творчеству Габриэля Гарсиа Маркеса, вышли в свет по случаю 85-летнего юбилея писателя. Также интерес к фигуре прозаика возрос после его смерти. Возрос он не только у филологов и лингвистов, чья деятельность напрямую связана с художественными текстами, но и у учёных из других областей знания, опосредованно исследующих литературные источники. В связи с этим представляет интерес статья кандидата географических наук А. В. Любичановского [10], который посмотрел на роман с точки зрения выявления стереотипа поведения жителей Карибского культурно-географического макрорегиона. В его работе предлагается таблица генерализации национально-культурных доминант, составляющих стереотип поведения жителей указанного региона, проанализированы отношения между коллективом и индивидом, самими индивидами, внутриэтническими группами, этносом и внутриэтническими группами, этносами и суперэтносами, этносом и ландшафтом, а также представлено исследование специфического ощущения времени и бытовых примет [10].

Один из наиболее приближенных к исторической области знания жанр хроники и его отражение в романе «Сто лет одиночества» рассматривает О. В. Ефимова. Она отождествляет рассказчика в произведении с хронистом.

Уточним: с хронистом не столько в понимании европейской литературы, сколько в понимании истории конкисты. Так, рассказчик-конкистадор не является простым повествователем – он принимает непосредственное участие в событиях, которые сам же и описывает, воспринимает «чужой» латиноамериканский опыт с точки зрения европейца. В произведении Гарсиа Маркеса ситуация хроник конкистадоров, по словам О. В. Ефимовой, «инверсируется»: «... "чужой" европейский опыт становится объектом оценки латиноамериканского сознания, реконструирующего в отличие от конкистадоров собственную историю через призму мифологического народного сознания» [4, с. 102]. При этом манера повествования насквозь пронизана иронией, смехом, разоблачающим все догмы и условности. Ефимова подытоживает, что Гарсиа Маркес избирает путь постижения реальности не через знание о ней, а через воображение, подкидывающее новые загадки о реальности [4, с. 105].

О. В. Ефимова также рассматривает топос дома в романе. Дом семьи Буэндия представлен одновременно как «...обобщающий символ цивилизации, противопоставленный окружающей дикой природе Латинской Америки» [5, с. 21], и как лабиринт, заключающий в себе метафизическое пространство, отгораживающее поколения Буэндия от мира. Образ дома олицетворяет собой прошлое всего континента и его народов, утраченное из-за распада связи времён во время конкисты, поэтому все писатели, по выражению самого Габриэля Гарсиа Маркеса, заново отстраивают свой дом, то есть пытаются восстановить связь с прошлым [5].

В работе Ю. В. Хилимова осмысляется метафора «странное», которая определяет все творчество колумбийского писателя. «Странное» выступает в роли механизма устранения стереотипов и погружения читателя «...в непривычное, необжитое мыслью» [15, с. 107]. В качестве сущностных оснований этой категории исследователь выделяет одиночество, страх и комизм. Ю. В. Хилимов приходит к выводу, что странное – это эффект, который возникает от нашего соприкосновения с чем-то непривычным, иным. Отсюда странное всего лишь феномен, выражающий наиболее концентрированные смыслы [15, с. 109].

В центре внимания М. В. Бувеской находится поэтонимосфера романа «Сто лет одиночества». Автор исследует значение имён семьи Буэндия и приходит к выводу, что основная идея романа заключается в постепенном угасании рода Буэндия, замкнутого в своём одиночестве и в бесконечном круговороте имён и судеб. Одним из способов шифрования данного замысла Гарсиа Маркес выбирает повторение имён [2]. Одним из «осевых» имен в романе становится имя Аурелиано (Aureliano). С полковника Аурелиано Буэндия началась традиция переплавлять монеты в золотых рыбок, продавать их и начинать по новой. В этом имени прослеживается не только прямая отсылка к Библии, где рыба является ранним христианским символом Иисуса Христа, но и нумерологический переход судьбы Аурелиано в бесконечность через число 17, постоянно сопутствующее ему в жизни [2, с. 110].

В работе Ю. Н. Гирина проведено комплексное исследование системы образов, композиционного строя, истоков и многоуровневости романа «Сто лет одиночества», отражающего творческий стиль Габриэля Гарсиа Маркеса.

Углубляясь в философию писателя, учёный раскрывает загадку создания мира Латинской Америки в обозначенном произведении. Он говорит о том, что Гарсиа Маркес отвергал фантазирование как таковое и отрицал всякого рода высказывания о вымышленности его мира. Прозаик создавал мир, основываясь на своих детских воспоминаниях, но при этом все эти отголоски прошлого трансформировались в его сознании в некий особый художественный мир, в котором ирреальность была самой настоящей реальностью, способом познания действительности, той формой, которая была и остаётся естественной для Латинской Америки. Реальные события, напротив, воспринимались как нечто необыкновенное и трудно соотносимое с действительностью. Для того чтобы хоть как-то уложить в свой контекст реальные события, подтверждённые фактами, народное сознание облакает его в гротескную форму, сознательно увеличивая, выпячивая определённую его сторону. Так, Гири́н говорит о творчестве Гарсиа Маркеса как о сотворении реальности, ее образовании, при этом наиболее полно, достоверно и детализированно отражающем действительный мир Латинской Америки во всём его многообразии, кружащийся в лабиринте собственной истории и отчаянно пытающийся найти истоки собственной культуры, своё лицо [3].

Таким образом, анализ критических работ, посвящённых наследию Габриэля Гарсиа Маркеса, показал, что в основном предметом изучения остается главный роман писателя «Сто лет одиночества», его перевод на русский язык, вопросы, связанные с мифопоэтикой и фольклоризмом, многоуровневостью и философской глубиной произведения. На наш взгляд, можно выделить следующие пробелы в изучении творчества колумбийского писателя: проблема жанра произведения «Сто лет одиночества», позднего творчества художника слова, его документальной и публицистической прозы, и наконец, места Гарсиа Маркеса на политической арене 1970–2010-х гг. Следовательно, эти темы являются перспективными для дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Алексеева, К. В. Влияние межкультурных различий на художественный перевод (на базе романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества») / К. В. Алексеева // Научный вестник МГИТ. – 2012. – № 5 (19). – С. 113–119.
2. Бувевская, М. В. Круговорот судеб, образов и имён: подсистема поэтонимосферы романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Cien años de soledad» («Сто лет одиночества») / М. В. Бувевская // Логос ономастики. – 2018. – № 6. – С. 103–111.
3. Гири́н, Ю. Н. «Дом» Гарсиа Маркеса / Ю. Н. Гири́н // Вестник Российского гуманитарного фонда. – 2002. – № 4. – С. 110–122.
4. Ефимова, О. В. «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса в зеркале «американской» хроники конкистадоров / О. В. Ефимова // Казанская наука. – 2013. – № 6. – С. 100–105.
5. Ефимова, О. В. Топос дома в семейных сагах «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа и «Дом духов» Исабель Альенде / О. В. Ефимова // Вестник Курганского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 21–25.
6. Казанкова, К. В. Фитоморфный мир в поэтике Г. Г. Маркеса / К. В. Ка-

занкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21. – С. 28–32.

7. Казанкова, К. В. Фольклорно-мифологический аспект творчества Габриэля Гарсиа Маркеса (рассказы 1940–60-х гг., роман «Сто лет одиночества») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Казанкова. – Челябинск, 2011. – 22 с.

8. Калацюк, В. Н. Сравнение переводческих норм на основе анализа русских переводов романа Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества» / В. Н. Калацюк // Романские языки и культуры: от античности до современности : материалы VIII Международной научной конференции ; отв. ред. Л. И. Жолудева. – М., 2016 – С. 40–48

9. Кондратьев, А. Г. Притча и символ в структуре романа «Осень патриарха» Габриэля Гарсиа Маркеса / А. Г. Кондратьев // Проблемы метода и жанра : сборник статей. – Томск, 1986. – С. 234–241.

10. Любичановский, А. В. Литературные ландшафты Г. Г. Маркеса как ментальные карты Карибского культурно-географического макрорегиона (к 85-летнему юбилею Г.Г. Маркеса и 100-летнему юбилею Л.Н. Гумилева) / А. В. Любичановский // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2012. – № 1. – С. 226–233.

11. Мурзин, Ю. П. Второе прочтение (о переводе на русский язык рассказа Г. Гарсиа Маркеса «Третье смирение») / Ю. П. Мурзин // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы : сборник научных трудов 10-й Международной научно-методической интернет-конференции ; под ред. Н. Н. Гавриленко. – М., 2015. – С. 144–155.

12. Пигарёва, Т. Маркес в СССР / Т. Пигарёва. – <https://www.colta.ru/articles/literature/2963-markes-v-sssr#ad-image-0> (дата обращения: 26.04.2020).

13. Плужникова, К. Н. Концепция «своих» и «чужих» в художественной прозе Габриэля Гарсиа Маркеса 1990-х гг. / К. Н. Плужникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 56–63.

14. Плужникова, К. Н. Особенности поэтики чуда в «Двенадцати рассказках-странниках» Габриэля Гарсиа Маркеса / К. Н. Плужникова // Вопросы иберо-романистики. – 2013. – № 13. – С. 79–85.

15. Хилимов, Ю. В. Странное как опыт философской метафоры (творчество Габриэля Гарсиа Маркеса) / Ю. В. Хилимов // Вопросы культурологии. – 2011. – № 3. – С. 105–109.

16. Хортова, Е. А. Фольклорные и мифологические мотивы в романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» / Е. А. Хортова // Вестник РУДН. – 2001. – № 5. – С. 59–62.